

Изъ семейныхъ воспоминаній.

(Продолженіе) ¹⁾.

II

Когда Александръ Семеновичъ провожалъ старшаго сына въ первый разъ въ Петербургъ, то дорогою, въ каретѣ, спросилъ его, какого рода службу онъ предпочитаетъ? Сынъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Службу Царю небесному.

На эти слова отецъ не обратилъ вниманія, но когда сынъ осуществилъ ихъ, сдѣлавшись смиреннымъ и бѣднымъ послушникомъ, то вся Брянчаниновская гордость поднялась на дыбы. Въ жизнеописаніи отца Игнатія (Дмитрія Александровича) рассказано довольно подробно о томъ, сколько онъ выстрадалъ вслѣдствіе деспотическаго честолюбія родителей, не мирившагося съ его призваніемъ. Монашество было для этого человѣка не карьерой и не средствомъ нажить капиталы. Онъ раздавалъ всегда почти все, что имѣлъ. Та же родственная черта сказывалась въ характерѣ моей матери; такую же была и С. В. Боборыкина, старшая изъ дочерей любимой сестры о. Игнатія. Другіе Брянчаниновы умѣли также жертвовать многимъ, но не ближнимъ вообще, а любимымъ людямъ. Такъ Петръ Александровичъ употребилъ все свое состояніе на изданіе книгъ обожаемаго имъ брата.

Узнавъ о смерти сестры своей, Боборыкиной, о. Игнатій (бывшій тогда уже монахомъ) написалъ моей матери. Онъ просилъ сообщить подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Софьи Александровны, поясняя, что онъ былъ связанъ съ

¹⁾ См. Б. В., апрѣль

нею узами исключительной дружбы и надѣется увидѣться съ нею въ будущей жизни, по слову Св. Писанія: „Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ“...

Честолюбіе дѣда было удовлетворено, когда отецъ Игнатій получилъ въ молодыхъ годахъ санъ архимандрита. Въ тѣ времена духовныя чины труднѣе достигались, чѣмъ нынѣ, и больше заслугъ для этого требовалось. Итакъ, дѣдъ смягчился. Но уже было поздно: здоровье сына надорвалось лишениями и огорченіями всякаго рода, и память о несправедливостяхъ, отравившихъ его дѣтство и юность, не изгладилась никогда изъ его сердца.

Прослуживъ уже нѣсколько лѣтъ въ Сергіевской Пустыни, лично извѣстный Государю, уважаемый Наслѣдникомъ и Великими Князьями, отецъ Игнатій захотѣлъ побывать въ родныхъ мѣстахъ. Быть можетъ, жизнь на виду, съ неизбѣжными непріятностями, наравнѣ съ неизбѣжнымъ официальнымъ почетомъ, утомили его, и онъ жаждалъ природы, сердечности и простоты. Но въ Покровскомъ ему была устроена торжественная встрѣча „сообразная его положенію“. Конечно, сѣхались всѣ родные и ходили около него съ такимъ благоговѣніемъ, точно онъ былъ заживо канонизованъ. Александръ Семеновичъ самъ давалъ тонъ такого крайняго почта въ своемъ отношеніи къ сыну. Въ день пріѣзда о. Игнатій былъ, конечно, на могилѣ матери; и оставался на кладбищѣ еще долго послѣ того какъ священникъ отслужилъ панихиду.

На завтра было назначено торжественное богослуженіе въ Покровской церкви. Пріѣхали сосѣди, сошлись толпы крестьянъ посмотрѣть на архимандрита; надѣялись, что о. Игнатій если и не будетъ служить, то скажетъ, можетъ быть, рѣчь...

Утромъ, когда все семейство собралось въ угловой „бильярдной“ въ ожиданіи перваго удара колокола, о. Игнатій сѣлъ на диванъ возлѣ двухъ дѣвочекъ Боборыкиныхъ и сказалъ:

— Батюшка, я не пойду сегодня въ церковь. Не очень здоровъ. Вы всѣ идите, Богъ васъ благословитъ, а я останусь вотъ съ ними,—показываетъ на дѣтей.

Дѣдъ былъ пораженъ, развелъ руками, но... возражать не рѣшился.

Оставшись одинъ, о. Игнатій позвалъ своего келейника,

вышелъ съ дѣтми въ садъ и тамъ, съ помощью этого кейлейника, Николенки, каталъ племянницъ на горѣ все время, пока въ церкви шла служба,—на той, превосходно устроенной въ саду горѣ, на которой самъ онъ катался въ дѣтствѣ ¹⁾.

Чего онъ желалъ, то и случилось: парада не вышло, и многіе подумали: „какой же это святой, если онъ играетъ съ дѣтми вмѣсто того, чтобъ молиться въ церкви?“

Отецъ Игнатій не долго на этотъ разъ пробылъ въ Покровскомъ. Вѣроятно въ это именно посѣщеніе имъ написано стихотвореніе въ прозѣ: „Кладбище“:

„Послѣ многыхъ лѣтъ отсутствія посѣтилъ я помѣстье старца отца моего, то живописное село, въ которомъ я родился. Это имѣніе давно давно принадлежитъ нашей фамиліи. Тамъ величественное кладбище, освѣяемое вѣковыми древами. Подъ широкими развѣсами деревъ лежатъ прахъ тѣхъ, которые ихъ насадили. Я пришелъ на кладбище. Раздался надъ могилами пѣсни плачевныя, пѣсни утѣшительныя священной панихиды. Вѣтеръ ходилъ по вершинамъ деревъ; шумѣли ихъ листья; шумъ этотъ сливался съ голосами поющихъ священнослужителей.

И слышалъ я имена почившихъ,—живыхъ для моего сердца. Произвѣстилось имя моей матери, имена монаховъ дѣдовъ и прадедовъ, братьевъ и сестеръ отшедшихъ. Какое удивленіе на кладбищѣ! Какая чудная, священная тишина! Сколько воспомнаній! Какая странная многолѣтняя жизнь! Я внималъ вдохновеннымъ, божественнымъ пѣснопѣніямъ панихиды. Сперва объяла меня одно чувство печали; потомъ оно начало облегчаться постепенно. Къ окончанію панихиды живое утѣшеніе замѣнило, собою глубокую печаль: церковныя молитвы слѣвали живое воспомнаніе о умершихъ утѣшительнымъ. Онъ какъ бы призывали ихъ къ воскресенію. Онъ возвращали жизнь почившихъ, привлекали къ этой жизни блаженство.

Могины праотцевъ моихъ ограждены кругомъ вѣковыхъ деревъ. Широко раскинувшіяся вѣтви ихъ образовали сѣнь надъ могилами: подъ сѣнью покоится многочисленное семейство. Лежатъ тутъ прахъ многихъ поколѣвій...

Земля, земля! смѣняются на поверхности твоей поколѣвія человѣчскія какъ въ деревьяхъ листья. Мило зеленѣютъ, утѣшительно, невинно шумятъ эти листочки, приводимые въ движеніе тихимъ вѣтеркомъ весеннимъ!

Придетъ на нихъ осень: они пожелтѣютъ, опадутъ съ деревъ на могилы, истлѣютъ на нихъ. При наступленіи весны, другіе листочки будутъ красоваться на вѣтвяхъ и также—только въ теченіе краткой чреды своей; также увянутъ, исчезнутъ.—Что наша жизнь? Почти тоже, что жизнь листа на деревѣ!

30 Мая 1850 года“.

¹⁾ Въ частномъ письмѣ, А. Н. Купреянова дѣлаетъ такое поясненіе къ этому мѣсту: „Горы, на которыхъ о. Игнатій каталъ дѣтей лѣтомъ, были

Если я не ошибаюсь, послѣ этого своего прїѣзда, отецъ Игнатій еще только одинъ разъ былъ въ Покровскомъ и на короткое время. Петръ Александровичъ ѣздилъ въ Вологду по дѣламъ и заѣзжалъ къ отцу, но отношенія ихъ были исключительно формальныя. Переписки между епископомъ и Александромъ Семеновичемъ не было.

Съ дочерью любимой сестры своей, Боборыкиными, отецъ Игнатій не прерывалъ теплыхъ и родственныхъ сношеній до самой смерти. Онъ часто пользоваались его духовными совѣтами. И не одними духовными. Онъ не пренебрегалъ заботою о корректномъ наружномъ видѣ; прежній свѣтскій человекъ сказывался въ этомъ. Однажды, въ Сергіевой пустыни, замѣтивъ, что прїѣхавшія къ нему племянницы причесаны не такъ, какъ въ это время причесывались въ столицѣ, онъ попросилъ сестру свою, жену генерала, поѣхать съ ними куда слѣдуетъ, и устроить, чтобы прическа ихъ была безукоризненною.

Если онъ видѣлъ на сестрахъ что-нибудь недостаточно изящное, то тихо спрашивалъ.

— Что это у тебя, какой нарядъ!

— Такъ носятъ, владыка.

— Ты не носи.

У С. В. Боборыкиной была привычка, — какъ и у многихъ — идя въ церковь, надѣвать скромное, темное платье. Владыка не ободрялъ этого.

— Зачѣмъ это? говорилъ онъ. Развѣ ты думаешь, что Богу прїятнѣе видѣть тебя въ черномъ платьѣ, нежели въ обыкновенномъ? Или думаешь, что переодѣвшись, ты сдѣлаешься ближе къ Богу, достойнѣе?

Сестры иногда каялись ему, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ, жалуясь на искушенія. Онъ отвѣчалъ.

— Не надо *засуживать* себя. Господь пришелъ въ міръ для грѣшныхъ. Что же ты удивляешься, что грѣшна. Развѣ ты не такая, какъ всѣ? Ну, и гордость, и прочее. У другихъ это все есть, почему не должно быть у тебя? Ты, значить, считаешь себя лучше прочихъ? Смирнѣе? — „При моихъ-то достоинствахъ... смиришься-ка другой такъ, какъ я!“ Это — гордость смиренія.

изъ дерева устроены, т. е. горы настоящія, а катокъ самый изъ досокъ деревянный и такія колясочки на колескахъ“. Ред.

— У Бога мелочей нѣтъ, говариваль онъ также. Съ крупнымъ испытаніемъ всякій борется. Если налетитъ гроза, человекъ собираетъ всѣ свои силы противъ нея. Побѣдить крупное искушеніе легко. А надо приучить себя переносить благодушно мелочныя. Это потруднѣе. Вотъ, у тебя убирають комнату, и всякій день положить ножницы носкомъ къ тебѣ, всякій день тебѣ приходится переложить ихъ, какъ нужно, и надо не разстроиться этимъ, не разсердиться, стерпѣть каждый день...

За четыре года до смерти отца Игнатія мать моя ѣздила въ Бабаевскій монастырь, гдѣ онъ жилъ на покоѣ, и брала меня съ собою. Я была мала, и впечатлѣнія мои удѣлѣли отрывками. Помню просторную архіерейскую гостиную съ окнами на рѣку. Она не мрачна: одноцвѣтныя стѣны ея пріятнаго шоколаднаго тона. Надъ диваномъ висятъ большіе овальные портреты братьевъ въ золоченыхъ рамахъ. Масса книгъ на столахъ, на полу: гостиная служить и кабинетомъ. Мебели немного, но все солидное; простота высоко-развитаго вкуса. За этой комнатою находилась другая, узкая спальня, имѣвшая видъ болѣе интимнаго пріюта. Здѣсь висѣли на стѣнѣ рясны, а на столѣ лежало нѣсколько красивыхъ чепцовъ: дары друзей.

Самъ епископъ былъ высокій человекъ, важный, очень уже пожилой, но не казавшійся еще старикомъ. Только лицо его, полное и блѣдное, обличало внутреннюю болѣзненность. Помню, что онъ сидѣлъ обыкновенно на диванѣ, мать моя также, а рядомъ съ епископомъ, на креслѣ помѣщался Петръ Александровичъ. Величественный съ нами, П. А. держался передъ братомъ почтительно, даже слишкомъ подчеркивая эту подчтительность. Долгіе часы просиживала я возлѣ матери, слушая малопонятныя мнѣ рѣчи и рассматривая знакомые уже предметы въ гостиной. Случалось, на звонокъ являлся келейникъ и, выслушавъ распоряженіе, чуть замѣтно улыбался мнѣ, уходя. Или еще лучше: въ подрясникѣ, съ опущенными глазами, входилъ красавецъ—братъ Алеша, и не смотря на строгую монашескую корректность своей манеры, всегда находилъ возможность ободрить меня быстрымъ взглядомъ.—„Скучаешь? спрашиваль этотъ взглядъ. Потерпи, вечеромъ поѣдемъ съ о. Моисеемъ кататься“.

Петръ Александровичъ жилъ въ Бабайкахъ при братѣ ми-

ряниномъ; онъ ходилъ въ сѣромъ сюртукѣ стариннаго покроя; всѣ понимали, что онъ въ душѣ монахъ и держитъ монашеское правило, хотя и не принимаетъ постриженія, быть можетъ для того, чтобы ему удобнѣе было хлопотать по поводу изданія сочиненій владыки. Онъ издавалъ ихъ на собственный счетъ, и я знаю, что ему приходилось много возиться не изъ-за одной матерьяльной стороны дѣла: возникали какія-то затрудненія, ставились преграды, и онъ вѣдиль объясняться съ высокопоставленными лицами, пользуясь своимъ положеніемъ бывшаго губернатора. Уходя съ губернаторскаго поста вслѣдъ за любимымъ братомъ на Бабайки, онъ взялъ изъ гимназіи сына Алешу и опредѣлилъ его послушникомъ въ монастырь. Но Алеша былъ наружно и внутренне похожъ на свою мать; веселая мягкость его характера и бьющая ключемъ жизнерадостность мѣшали ему сдѣлаться въ душѣ монахомъ. Интересная наружность его привлекала провинціальныхъ барынь въ бабаевскія церкви такъ же, какъ тонкая красота о. Игнатія въ его молодые годы превлекала петербургскихъ дамъ въ Сергіеву пустынь, но въ послѣднемъ случаѣ ихъ намѣренія пропадали даромъ, разбиваясь о высокую серьезность и монашеское безстрастіе архимандрита, а на юной Алешиной душѣ нескромныя женскія взгляды оставляли слѣдъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ и вышелъ изъ монастыря; пустилъ, такъ сказать, свою ладью въ житейское море, сохранивъ, однако, на всю жизнь глубокую преданность православной вѣрѣ и много дѣйствительнаго христіанскаго смиренія въ душѣ.

Обѣдаемъ. Волжская дорогая рыба. Но для меня это безразлично, лишь бы скучный обѣдъ кончился. Скучный, да и опасный: неравно сдѣлаешь какую-нибудь неловкость; никто не забранитъ, но Петръ Александровичъ уставишь продолжительно и недовольно свой тяжелый взглядъ изъ за очковъ, а этого я такъ боялась...

Но все кончено. Мы съ мамой возвращаемся въ гостиницу. Тутъ мы одни съ своей горничной; подають самоваръ: Приходитъ Алеша и мы непринужденно болтаемъ, попивая чай, говоримъ все, что придетъ въ голову. Контрабандой приноситъ онъ мнѣ что-нибудь почитать: „Донъ-Кихота“ въ передѣлкѣ для дѣтей или журналъ „Вокругъ Свѣта“—прежній, благородный. Разъ, когда онъ подавалъ мнѣ книжку,

насъ засталъ на мѣстѣ преступленія дядя: отнялъ книжку у меня и задалъ сыну головомопку.

Вечеромъ мы съ Алешей выходимъ изъ гостиницы. Волга, прибрежный песокъ, отмель... лодка. Невдалекѣ зеленѣеть островъ, гдѣ, я знаю, есть ракушки. Видна у лодки добродушная фигура отца Моисея. За островомъ разгорается закатъ; сейчасъ мы съ Алешей сядемъ въ лодку и поѣдемъ по рѣкѣ на островъ. Грести будетъ о. Моисей, и будутъ мирные, теплые, простые разговоры. Эти поѣздки и этотъ ласковый монахъ, черненкій и тощій еврей, — самое отрадное воспоминаніе изъ первой моей поѣздки въ Бабайки.

Во второй разъ я была тамъ уже по смерти владыки, при отцѣ Іустинѣ, который смѣнилъ его, не замѣнивъ, и было непріятно видѣть, что Петръ Александровичъ смотрѣлъ на него съ тою же преданностью, съ какою прежде смотрѣлъ на своего преосвященнаго брата.

Есть нѣчто, обязывающее меня благодарностью къ Петру Александровичу. Еще въ дѣтствѣ моемъ онъ далъ намъ и посовѣтовалъ прочесть прекрасное сочиненіе о Гусѣ. Вслѣдствіе этого я съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла почитать сящую память славянскаго мученика за вѣру.

Интересно, что всѣ Брянчаниновы не любили католицизма, но такъ не любили, что ничего не признавали въ немъ достойнаго, едва ли даже считали католическую церковь дѣйствительною церковью Христовой. Одинъ дѣдъ, человѣкъ болѣе широкихъ взглядовъ, читалъ духовныя католическія книги, отчасти увлекался Томой Кемпійскимъ, и это тревожило и возмущало его дѣтей, преимущественно старшихъ.

Отецъ Игнатій умеръ ранѣе своего отца. Была весна, половодье; никто изъ родныхъ не могъ ѣхать на похороны. Поѣхала одна Софья Васильевна Боборыкина, дѣвушка горячая и способная къ большой преданности. Дѣдъ не хотѣлъ ее отпустить.

— Это безуміе! Ты не поѣдешь.

— Я поѣду, grand-papa.

— Нѣтъ, ты не поѣдешь.

— Простите меня, grand-papa, я поѣду.

— Я тебя не благословляю.

— Мнѣ это очень грустно, но я чувствую, что должна ѣхать.

Желѣзной дороги отъ Вологды тогда еще не было: С. В. уѣхала съ горничной въ телѣжкѣ знакомаго комиссіонера, Петра Ледкова, — Pierre de la Glace, — какъ шутя называли его Брянчаниновы. Подъ Ярославлемъ перевоза не было; С. В. проѣхала подальше за городъ и тамъ наняла крестьянина, который за хорошую цѣну доставилъ двухъ женщинъ на другой берегъ, несмотря на опасность переѣзда. Затѣмъ онѣ попали въ Бабайки уже сравнительно легко.

Послѣ почившаго епископа не осталось наслѣдства. Въ карманѣ его подрясника нашли 14 копѣекъ. Это было все, что онѣ имѣли, потому что лишь за два или три дня до смерти онѣ далъ семьдесятъ пять рублей крестьянину, у котораго пала лошадь.

Онѣ былъ монахъ...

Дѣдъ пережилъ его, потому что берегъ себя, и въ этомъ отношеніи былъ не чуждъ нѣкотораго эгоизма, впрочемъ совершенно естественнаго. Не о всемъ могъ онѣ говорить съ сыновьями и дочерьми, и избѣгалъ волнующихъ разговоровъ. Волнующіе разговоры очень рѣдко приводятъ къ взаимному пониманію и успокоенію. Дѣдъ былъ уменъ и зналъ это. И потому главной темой его разговоровъ съ дѣтьми, была политика. Въ политикѣ у всѣхъ Брянчаниновыхъ былъ одинаковый взглядъ.

За то какъ онѣ былъ тепло внимателенъ ко всѣмъ своимъ, особенно къ внучатамъ!

Я знала дѣда въ его глубокой старости, но старости красивой и доброй: бывшая суровость его исчезла. Въ его ясныхъ глазахъ свѣтилась та снисходительность, купленная цѣною долгаго опыта жизни, жизни мысли, которая встрѣчается лишь у хорошихъ стариковъ. О наружности своей онѣ заботился. Какое благородное спокойствіе было въ его лицѣ, съ тонкими чертами, въ манерѣ — важной, привѣтливой и старомодной! Какъ хороша была его изящная голова съ густыми, серебристыми волосами, его прямой станъ и неторопливая, милая, снисходительная рѣчь! И когда рядомъ съ нимъ сидѣли его сыновья — Петръ Александровичъ, тяжелый, бритый, съ рѣзкими линіями лица, въ сѣромъ, громоздкомъ сюртукѣ, или Михаилъ Александровичъ, съ вдохновеннымъ, но разсѣяннымъ взглядомъ, лысый, съ ши-

рокою, косматою бородой, то, право, дѣдъ казался и красивѣе ихъ и чуть ли не моложе. Понятіе его несомнѣнно были шире: онъ интересовался многими изъ того, что они презирали въ своей правовѣрной односторонности.

Свою манеру не входить въ интимность дѣдъ нарушалъ для сестеръ Боборыкиныхъ, дѣвушекъ свѣтскихъ и выросшихъ безъ матери. Какъ умѣлъ онъ безъ разспросовъ угадывать ихъ затрудненія, тепло поддержать въ трудную минуту сочувственнымъ взглядомъ, мимолетнымъ, ободряющимъ словомъ или иначе: подарить двѣ великолѣпныя розы для корсажа и перекрестить дѣвушку. Я была ребенкомъ, но и мнѣ невозможно забыть, съ какою лаской онъ угощалъ мать мою и меня лучшими персиками и вишнями изъ сада, какъ часто радовалъ, посылая въ Вепрево цвѣты на Пасху или ранніе овощи изъ теплицы!

У меня есть особая причина вспоминать дѣда добромъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ Брянчаниновыхъ любилъ моего отца, цѣня его неподкупную прямоту. Разъ, когда отецъ, побесѣдовавъ съ нимъ, уходилъ, простой и прямодушный, какъ всегда, Александръ Семеновичъ, обратясь къ присутствовавшимъ, сказалъ:

„Этотъ человѣкъ—святой, и самъ того не подозрѣваетъ“. Конечно, отецъ мой былъ бы очень сконфуженъ, еслибъ слышалъ это. Бывшій армейскій офицеръ, не любившій вина, но любившій карты и лошадей, вспыльчивый и часто неосмотрительный, онъ всего менѣе имѣлъ претензій на святость. Но именно за то, что очень мало о себѣ думалъ, его любилъ дѣдъ, и кромѣ дѣда, добрыя сестры Боборыкины. Спасибо имъ!

Въ полной памяти Александръ Семеновичъ дожилъ до 96-ти лѣтъ и умеръ безъ большихъ страданій отъ воспаления легкаго.

Послѣ кончины отца Игнатія, неподалеку отъ Бабаекъ сгруппировался кружокъ лицъ, связанныхъ съ Петромъ Александровичемъ единомысліемъ и знакомствомъ и считавшихъ себя присными по духу почившему владыкѣ. Одца небогатая, но хорошей фамиліи, дворянка, госпожа X. была центромъ и самой вліятельной личностью среди этихъ „святыхъ“. Я не въ шутку употребляю это слово: они сами считали себя избраннымъ стадомъ. Петръ Александровичъ, говоря

объ одномъ изъ нихъ, употребилъ — я помню — именно это выраженіе: „Онъ тоже изъ святыхъ“.

Умираеть большой человекъ. По слѣдамъ его идутъ маленькіе и думаютъ, что продолжаютъ его дѣло; но дѣлаютъ то, отъ чего онъ, еслибъ былъ живъ, съ негодованіемъ бы отрекся.

Въ книгѣ свящ. Щукина „Около церкви“ есть такія слова:

„Души другихъ... тверды и жестки. Жизненный опытъ... отрываетъ отъ этихъ снисходительность къ ошибкамъ, прощеніе чужимъ и своимъ увлеченіямъ, улыбки невѣдѣнію. Милосердіе, всепрощеніе они и во Христѣ считаютъ ошибкой. Имъ кажется излишней ласковость къ людямъ, вредной мягкость, прощеніе недостигающимъ цѣли. Стойкіе и прямые, они стоятъ предъ людьми и предъ Богомъ, какъ обнаженные отъ ласкающей взоръ весенней зелени стоятъ осанью крѣпкіе и темные стволы деревьевъ. И молятся Богу сурово: „воскреси Боже, суди землю!“

Таковыми были люди, о которыхъ я говорю. Но еще типичнѣе. Мрачный ликъ имѣла ихъ набожность, и жесткими, больно ранящими углами оборачивались они къ своимъ ближнимъ. Уважаемые всѣми за свою признанную набожность, они чувствовали себя носителями суровой правды, точно ветхозавѣтные пророки, но походили болѣе на средневѣковыхъ доминиканцевъ. Путь, по которому они желали вести людей, былъ во всѣхъ смыслахъ узкій. И даже болѣе всего — въ духовномъ смыслѣ. Скорѣе допустили бы они нѣкоторое послабленіе плоти — какъ и сами позволяли себѣ, напр., удовольствіе вкусной пищи — чѣмъ малѣйшую широту мысли, малѣйшее уклоненіе отъ рутинны. Еслибъ можно было, они запретили бы мірянамъ читать Евангеліе. На всѣ чувства и мысли у нихъ были готовыя рамки, указанные размѣры и формы. Ничего живого, свободнаго, самостоятельнаго они не терпѣли. Не добротой и смиреніемъ дышали рѣчи ихъ: въ нихъ звучало строгое осужденіе ближнихъ. Набожность ихъ гордо высилась, какъ воплощенный укоръ всѣмъ окружающимъ; самые ихъ рассказы въ минуты хорошаго расположенія духа отзывались привычнымъ наставительнымъ тономъ, и когда они смѣялись, то другимъ не было ни смѣшно, ни весело.

Въ практическихъ дѣлахъ „святые“ стояли на чисто-зем-

ной точкѣ зрѣнія. Въ ихъ отношеніяхъ къ ближнимъ чины, общественное положеніе, успѣхи въ карьерѣ имѣли большое значеніе. Не одни нравственныя паденія, но и простой неуспѣхъ ошибки въ жизни людей вызывали ихъ презрительное осужденіе. Сами же они въ житейскомъ отношеніи вовсе не были *не отъ міра сего*; напротивъ, очень *отъ міра*. Ведя переписку съ генеральшей, г-жа, X., прежде чѣмъ отправить письмо, долго держала его на столѣ, чтобъ ея гости видѣли адресъ: „Ея Превосходительству“.— „Нельзя иначе“, объясняла она своимъ внушительнымъ тономъ, „это доставляетъ уваженіе“... Компромиссъ мелочной, конечно. Но когда сидишь часы молча, слушая съ покорнымъ видомъ наставленія себѣ и безапелляціонныя осужденія другихъ, иногда тѣхъ, кого любишь и уважаешь, когда душа кипитъ подъ наружно-безстрастною маскою, то всякая мелочь имѣетъ значеніе, усиливая до горечи отрицательное отношеніе къ лицамъ, отъ которыхъ слышишь одно, а видишь на дѣлѣ другое. Матери моей imponировали и братъ, и Александра Ивановна. Пока она слушала ихъ обличительныя филиппики, то поддавалась имъ и сочувствовала, но едва уходила изъ подъ ихъ гнетущаго вліянія, какъ снова дѣлалась той доброй мамой, любящей всѣхъ ближнихъ безъ разбора, какою она была въ дѣйствительности.

Все было характерно у г-жи X.: и маленькій ея домъ въ переулкѣ, некрасивый, съ тѣсными комнатами, и садъ безъ цвѣтовъ и аллей, и злой песъ на цѣпи. Въ заднихъ комнатахъ дома иногда жили временно безпріютные, но шли къ ней лишь тѣ, кто не имѣлъ никакой возможности иначе устроиться. Она была благотворительницею, шила воздухи для церквей, помогала бѣднымъ и, я увѣрена, имѣла еще нѣкоторые тайные подвиги.

Пріѣзжая въ тотъ городъ, гдѣ жила г-жа X., мать моя у нея останавливалась, и тогда для услугъ намъ являлась Марья Евграфовна.

Марья Евграфовна была пожилой дѣвой, какъ и г-жа X., но столько же смиренной и кроткой, сколько та была величественна и энергична. Жила она съ старой матерью въ большой бѣдности, кормилась вязкою чулокъ; г-жа X. выручала ее въ минуты жизни трудныя, но и пилила постоянно, и уваженіе Марьи Евграфовны къ своей благодѣтель-

ницѣ сильно походило на страхъ. Сердила г-жу Х. всего болѣе недалекость бѣдной дѣвы, такъ же какъ и ея смѣшная наружность: слишкомъ высокій ростъ при необычайной худобѣ. Но бѣлое отъ малокровія лицо Марьи Евграфовны съ густыми черными бровями и грустнымъ взглядомъ не было ни смѣшно, ни непріятно. Мать моя любила это бѣдное существо за ея терпѣніе, отсутствіе склонности къ сплетнямъ и неліцемѣрную набожность.

У г-жи Х. былъ воспитанникъ, Костя Г. Мать его, вдова художника, подпала подъ вліяніе г-жи Х. и, чувствуя приближеніе смерти, завѣщала ей опеку надъ маленькимъ сыномъ. Видъ сугубаго благочестія госпожи Х., ея положеніе человѣка, который умнѣе, непогрѣшимѣе, почтениѣе прочихъ, дали надежду умирающей матери, что, дитя ея останется на лучшихъ рукахъ, какихъ только можно желать. Она умерла спокойная, бѣдняжка! И ребенокъ остался сиротой на попеченіи Александры Ивановны. О, дѣйствительно сиротой!

Тѣсная каморка, душная, вся заставленная разнымъ домашнимъ хламомъ. Давно запыленные, тускляя стекла въ двойной рамѣ, которая никогда не выставляется. Тутъ растеть тонкій, блѣдный, запуганный мальчикъ. Наслѣдственный талантъ его глохнетъ, теплаго слова онъ не слышитъ, одни рѣдкія приказанія и выговоры, чувствуетъ надъ собой недреманное инквизиторское око, забирающееся ему прямо въ душу, — и весь нравственно съеживается, привыкаетъ молчать и тайть...

Когда я была дѣвочкой, мы нрѣдка играли съ Костей, тихо и подъ вѣчнымъ опасеніемъ не угодить, или разсматривали коллекцію художественныхъ гравюръ, оставшуюся послѣ его отца. Меня очень удивляла и его неестественная молчаливость, и то, что онъ никогда не шумитъ, не бѣгаетъ, и исчезаетъ въ одну минуту, когда г-жа Х. обращаетъ на него свой выразительный взглядъ. Онъ былъ превосходно выдрессированъ; впрочемъ и собакъ своихъ Ал. Ив.—на дрессировала мастерски.

Говоря о гравюрахъ Кости, я вспоминаю ничтожный случай, но очень характерный, подтверждающій въ сотый разъ ту евангельскую истину, что многое прекрасное и благородное скрыто отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ душою.

Въ одинъ вечеръ, когда я перебирала гравюры, не скрывая своего восхищенія, Костя спросилъ, которыя изъ нихъ больше мнѣ нравятся? Я простодушно назвала 5 или 6. Онъ тотчасъ же отобралъ ихъ для меня и, несмотря на мое удивленіе и отказы, настойчиво добивался, чтобъ я ихъ взяла. Между тѣмъ эти гравюры были почти единственною его драгоценностью, памятью отца.

Лѣтъ 10 спустя гостила я у дяди Михаила Александровича, гостила, какъ любящая племянница и другъ. У него на стѣнѣ висѣли картины духовнаго содержанія; онѣ мнѣ не нравились, и я никогда не желала бы имѣть ихъ. Но дядя былъ о нихъ высокаго мнѣнія. Безъ всякаго съ моей стороны повода, онъ говоритъ мнѣ.

— Эти картины, та сѣге, если уйду въ монастырь, я ихъ, пожалуй, тебѣ оставляю; но ужъ за это надо (съ сильнымъ удареніемъ) за это надо *мно-ого* молиться!

А Костя не требовалъ уплаты...

Годы шли, а положеніе его не улучшалось. Уже мы были подростками, насъ иногда отпускали съѣздить за покупками или на станцію за вещами; но Костя въ этихъ случаяхъ сидѣлъ какъ автоматъ, не оборачиваясь и не разговаривая; извозчикъ былъ „придворнымъ“ его воспитательницы и могъ все услышанное пересказать.

Кончилось однако тѣмъ, что пріѣхала замужняя сестра Кости и, употребивъ много усилій, перенесла много неприятностей, освободила брата. Преслѣдуемая чуть не анаемой, она все-таки увезла его въ Москву и помѣстила въ Школу живописи и ваянія, гдѣ онъ впослѣдствіи кончилъ курсъ и былъ отправленъ за границу.

Видались мы съ нимъ въ Москвѣ уже на свободѣ, вмѣстѣ бѣгали по магазинамъ и выставкамъ и лакомились только что появившеюся тогда въ продажѣ халвою. Но дружбы откровенной не было между нами. Въ Костѣ осталось болѣзненное недоверіе къ окружающимъ, и онъ все боялся, чтобъ я не пересказала какихъ-нибудь его словъ, если не г-жѣ Х., то Петру Александровичу; очевидно, у него еще сохранялась какая-то зависимость отъ Ярославскихъ. Жилъ онъ у профессора, знакомаго имъ, и возможно, что Петръ Александровичъ оплачивалъ часть его содержаніе; впрочемъ я не

увѣрена въ этомъ. Онъ просто боялся ихъ по привычкѣ, безъ всякихъ практическихъ мотивовъ.

Между тѣмъ въ тишинѣ Бабаевскихъ келій, невѣдомые обществу, трудились иноки, дѣйствительные послѣдователи почившаго епископа, искавшіе подвига и спасенія по его завѣтамъ. Ихъ жизнь не была обычнымъ прозячскимъ житьемъ необразованныхъ провинціальныхъ монаховъ, — то былъ путь высокій и опасный, а духовнаго руководителя у нихъ не стало. Іустинъ былъ скорѣе человѣкомъ тонкихъ соображеній, чѣмъ глубокаго монашескаго духа. И вотъ, на почвѣ строгаго воздержанія, постничества, напряженныхъ нервовъ, острой борьбы съ искушеніями, разыгралась въ Бабайкахъ исторія грустнаго заблужденія.

Іеродиаконъ Паисій, человѣкъ еще молодой, прервалъ свой молитвенный подвигъ, чтобъ объявить себя Христомъ. Началъ учить праведной жизни и вѣрѣ *въ себя*. И такъ велика была убѣжденность его проповѣди, такъ обаятельно вліяла на слушателей его аскетическая, отрѣшенная отъ всего земнаго личность, что много монаховъ увлеклось его рѣчами. Сначала о. Іустинъ и Петръ Александровичъ не обратили вниманія, потомъ замѣтили странннй гипнозъ, распространяющійся въ монастырѣ, пришли въ смущеніе, не знали, что дѣлать, боясь огласки.

Приходитъ въ это время къ Петру Александровичу о. Моисей, — кроткій, благодушный о. Моисей, — и говорить съ сожалѣніемъ: „Что это, Петръ Александровичъ, въ какую прелесть впалъ Паисій - то нашъ! Хочу я сходить, попробую уговорить его, образумить; какъ думаете?“ — Сходите, отецъ Моисей, сходите.

Моисей пошелъ, сидѣлъ у Паисія два часа и вышелъ изъ его кельи возбужденный, съ блестящими глазами, восклицая: „Правду онъ говоритъ, правду! Это Христось!“

Ересь разросталась. Уже и богомольцы начали поклоняться Паисію; изъ Ярославля потянулись къ нему дамы и простыя женщины. Тогда монастырскія власти наконецъ приняли мѣры: выпроводили Паисія изъ Бабаекъ и вздохнули спокойно. Но они рано обрадовались. Паисій и его приверженцы пошли въ Ярославль, въ Ростовъ, дальше... И ересь заражала людей, какъ эпидемія. Въ Ростовскомъ женскомъ монастырѣ

Паисія встрѣтила сама игуменья и съ нею всѣ монахини съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и всю ночь сидѣли онѣ у ногъ своего гостя, слушая его поученія. Въ самомъ Ярбс-лавлѣ много женщинъ признало его Христомъ и Богомъ—отъ извѣстныхъ дворянокъ до бѣдной Марьи Евграфовны.

Пора было подождать этому конецъ. Паисія арестовали. Судили его духовнымъ судомъ изъ архіереевъ и архимандритовъ, причемъ въ большую вину поставлена была ему ночная бесѣда въ женскомъ монастырѣ. Это обвиненіе вызвало съ его стороны интересный отвѣтъ:

— „Неужели вы, отцы іерархи, будучи всѣ монахами, не понимаете, что можно провести ночь въ духовной бесѣдѣ съ сестрами, даже не подумавъ о томъ, что эти сестры—женщины?“

По рѣшенію суда, Паисія и его послѣдователей разослали по разнымъ монастырямъ подъ строгій надзоръ. О. Моисей попалъ въ Соловецкій монастырь, а самъ Паисій—въ Суздаль. Со временемъ всѣ „впавшіе въ прелесть“, пришли въ себя, покаялись и мирно доживали свой вѣкъ въ тѣхъ монастыряхъ, куда были сосланы.

Пострадали, однако, не одни монахи. Женщинамъ увлеченнымъ проповѣдью Паисія, тоже пришлось пережить много тяжелаго. Обвиненіе въ ереси, хотя и не оффиціальное, лежало на нихъ, онѣ были предметомъ осужденій и насмѣшекъ. Между прочимъ, когда Паисія уводили послѣ суда, то изъ толпы одна высокая женская фигура демонстративно поклонилась ему до земли, обращая на себя общее вниманіе.

Ну, и досталось же Марьѣ Евграфовнѣ за этотъ поклонъ отъ госпожи X.!

Тѣмъ не менѣе память о Паисіи умерла не скоро.

Большая доброта моей матери имѣла свойство у всѣхъ вызывать довѣріе къ ней и откровенность. Такъ и бѣдная Марья Евграфовна пользовалась нашими пріѣздами, чтобъ отвести душу, поговорить о Паисіи, о которомъ она до сихъ поръ осмѣливалась „свое сужденіе имѣть“.

Стоитъ бывало, Марья Евграфовна съ кувшиномъ въ рукѣ, подаетъ мамѣ воду для умыванія, а сама шепчетъ, смигивая слезы:

— „Ангелъ мой, Марья Александровна, вы не можете себѣ

представить, какой это человекъ былъ... Какая въ немъ божественность сіяла... Истинно, ангель мой, божественность!.. И ежели вамъ его послушать...“

Скрипнеть дверь—и она, быстро замолкнувъ, выпрямляется, принимаетъ обычный суетливо-тупой видъ подъ взглядомъ госпожи X., устремленнымъ на ея нелѣпую фигуру, какъ ударъ бича. Уйдетъ благодѣтельница, и она опять зашепчетъ:

— „Пускай его осудили, ангель мой, такихъ людей больше нѣтъ и не будетъ... Хоть и бранять меня—пускай. Ужъ я тѣмъ счастлива, что хоть послушала его рѣчей благодатныхъ!..“

А. Курянова.

(Окончаніе слѣдуетъ).
